

ЭМУЛЯЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: ГРУЗИЯ И МОЛДОВА

Political systems of Moldova and Georgia are emulative systems. This determines many similarities and problems of democratization of these countries. We should differ democratization in post-soviet countries from those democratizations which took places in the other parts of world. Post-communist democratizations are parts of broad processes of total changes of soviet societies, which includes simultaneous transformations of political systems, economic systems and social stratifications. These common features of democratizations of Georgia and Moldova determines many problems of state building in both countries. Nevertheless processes of democratization in these countries differ. Moldova has party state, where political parties are more influential actors of politics and government. Georgia has weak parties and strong bureaucracy. State is more institutionalized in Georgia than in Moldova. Because of this authoritarian development vector in Georgia is stronger than in Moldova. Democracy is more institutionalized in Moldova than in Georgia, but governing is more effective in the last occasion than in formal. The cultural environments of political processes of these countries are quite deferent – Georgia has more homogenous cultural environment, than Moldova. An experience of Moldova proves that progress of democratization does not depend on the form of government.

Key words: democratization, emulation, political party, political system, democracy, postcommunism.

Посткоммунизм означает изменение не только политической системы, но и всего общества в целом, фундаментальных принципов его функционирования. Поэтому он представляет широкий процесс трансформаций, который охватывает экономику, политику, социальную сферу, культуру, межличностные отношения и т. д. Совокупность этих изменений создает общественный контекст функционирования политики и во многом определяет специфику и проблемы государственного строительства в Грузии и Молдове. Эти две постсоветские республики выделяются на постсоветском пространстве глубиной демократических преобразований, особенность которых создает тот общественный контекст, в котором функционирует политический процесс в этих странах. Тотальность изменений, синхронный и незаконченный характер становления новых общественных связей, определяют социальные условия становления демократии в постсоветских странах. Поэтому посткоммунистические демократизаций существенно отличаются от процессов демократизаций, которые происходили в других странах мира. Демократизация означает изменение политической системы и режима ее функционирования. В отличие от тех стран, где опыт демократизации стал источником формирования теорий демократизации, в постсоветских республиках, в том числе в Грузии и Молдове, составной частью этих процессов является их государственное становление. В них демократизация началась с разрушением государственности, что

выражалось в существенном ослаблении общественного учета и контроля, государственной дисциплины, сращивании государственных органов с частными интересами и участие бюрократии и политических партий в перераспределение богатства, в формировании новой стратификационной системы, в социальных перемещениях на основе которых формируется новая стратификационная система и неформальные центры власти и влияния. В странах Европы и Америки, Азии и Африки, в которых происходили демократизации, общественный контекст этого процесса оставался неизменным, представлял определенную константу, которая характеризовалась уже сложившимися системами социальной стратификации и экономики, социальными идентичностями. Поэтому здесь демократизация означала глубокие изменения в политической подсистеме уже сформированного общества и проходила в условиях конкретных, ясно артикулированных социетальных интересов, которые своими корнями глубоко уходили уже сложившийся систем социальной стратификации и экономики, которые формировали общественную основу артикуляции и агрегации интересов. Политическая система и государственная власть отражали интересы больших социальных групп для артикуляции и агрегации которых создавались политические партии, группы интересов, гражданское общество. Эти интересы являлись общественными интересами, которые объединяли большие общественные группы, которые создавали социальные базы политических партии и процессов. Таким образом политический процесс развивался на основе артикуляции и агрегации уже существующих больших социально – экономических групп. Например, формированию лейбористской партии предшествовало появление и развитие рабочего класса и рабочего движения в Англии, так же была сформирована социал-демократическая партия Германии. Появлению современных политических партий в Бельгии предшествовало разделение общества на католиков и либералов, США были образованы тогда, когда интересы метрополии пришли в противоречие с интересами местной буржуазии, которая была сформирована задолго до появления нового государства США. Посткоммунизм является результатом воздействия примера, который был создан на основе достижений стран западной Европы и США. Их социально-экономические и политические структуры демонстрировали высокие достижения, что создавало представление о хорошем правлении, обществе и государстве в сознаниях советской интеллигенции. Но эти государства строились не в одночасье, а постепенно, в результате конфликтов между разными частями общества. Поэтому современные политические системы демократии являются продуктами инкриментальной политики, когда вызревание и создание ее разных компонентов отдалены во временном интервале. Например, демократические выборы во Франции появляются в 1944 году, а в Швейцарии 1971 году, когда конкурентная политика и политические партии уже давно были институционализированы. Появление и укрепление одного компонента демократии создает условие для появления других компонентов демократии - это является закономерностью демократизации. Огромная заслуга в укреплении западной демократии

принадлежат многочисленному рабочему классу и буржуазии, а также включению женщин в общественном производстве, что дала толчок развитию их массовой политической активности.

Общественный контекст политического процесса и проблемы государственного строительства в Грузии и Молдове

Политические системы и государства в постсоветском пространстве развиваются по другому сценарию. Если традиционно стратификационная система создавала политическую систему, здесь политическая система создает стратификационную систему. Но процессы формирования элементов стратификационной системы выходят за пределы правового поля и подчиняют функционирование всей политической системы. Посткоммунизм – это распад старого общества и формирование нового. Структуризация нового общества и ее экономической системы является результатом функционирования государственной власти и политической системы, которые контролируют социальные перемещения и потоки восходящей социальной мобильности и являются фактором достижения и удержания привилегированного положения как в стратификационной системе так и в экономике. В этих условиях политика превращается в социальный лифт, который способствует структуризацию общества и ее экономики на основе распределения общественного богатства и статусов как в экономической так и стратификационной системах. Этот процесс сужает интересы, в условиях еще не сформировавшихся социально-экономических групп и социальных идентичностей, политические партии превращаются не выразителями социетальных интересов, а механизмами повышения и удержания статуса в стратификационной и экономической системах общества. Это особенно четко просматривается на примере Молдовы, где партий в политической жизни играют более значительную роль, чем в Грузии. По свидетельству очевидца там «Политические партии стали самым прибыльным бизнесом. Главы партий сравни настоящим олигархам: шикарные машины, гламурные костюмы, красивая жизнь. В Молдове самые грязные деньги отмываются в финансовых «будуарах» политических партий» (1) Такое явление подчиняет реализацию общественных интересов частным, в результате чего государство теряет способность защищать политические курсы и их проведения ставит в зависимости от частных интересов. Причиной этого является особенности общественного контекста посткоммунистического политического процесса.

Демократизация в постсоветском пространстве началась в условиях распада старого общества, что обусловил интенсификацию процессов социальной мобильности, которые существенно влияют как на формирование посткоммунистических политических систем Грузии и Молдовы, так и на их стабильность. В этих постсоветских республиках социальная мобильность изменила общественный контекст формирования и функционирования политических систем, которое характеризуется интенсификацией восходящих и нисходящих потоков социальной мобильности, на основе которых

возникают новые идентичности и интересы. Вследствие этого гомогенная общественная база артикуляции интересов стала более дискретной и противоречивой, что осложнило агрегацию разных интересов и формирование таких политических курсов, которые стали бы приемлемыми для всех. Процесс формирования новой стратификационной системы и ее элементов, обусловил не только появление новых интересов но также и их сужение, доминирование частных интересов над социетальными. Такая ситуация углубляет противоречие между политической системой и общественными условиями ее функционирования. Это задерживает развитие компонентов политической системы. Особенное значение в их становление имеет уровень экономического развития, от которой зависит формирование источников возмещения себестоимости функционирования и развития всех элементов политической системы. Например, для нормального функционирования политических партии нужны финансы, основными источниками которых должны быть членские взносы. Но в условиях слабой экономики они не могут собирать достаточные средства из этого источника. Поэтому партии вынуждены обращаться для получения финансов к частному бизнесу и взамен обещать защиту из интересов. Правящая партия использует свою власть для изъятия финансовых ресурсов у частного сектора и на этой основе создания своего избирательного фонда, перераспределения бизнесов в пользу своих приверженцев, что обеспечивает стабильную финансовую базу ее власти. Примерами этого являются деятельность Союза граждан и Единого Национального движения в Грузии. Схожими проблемами сталкиваются и политические партии Молдовы, которые также создают источники своего финансирования в частном секторе. В этой связи интересную информацию дает свидетельство одного из очевидцев: «давайте посмотрим на то, как функционируют сами молдавские партии. Их лидеры в частных беседах рассказывают, что очень дорого обходится партийное дело. Нужно платить людям зарплату, покупать или арендовать помещения, выделять деньги на транспорт, связь, информационную работу, съезды проводить и т.д. А сеть по республике должна быть немалая, поэтому уходят на партийные дела миллионы. Можно не сомневаться, что главные свои затраты партии не афишируют и не проводят официально. И тратятся на партийное строительство «теневые деньги». Поэтому тайная партийная касса напоминает «бандитский общак»».(2) Несмотря на негативное впечатление которое создает эта информация о партийных лидерах Молдовы, в ней также просматривается активная внутрипартийная жизнь и развитой внутрипартийный менеджмент, существование развитой партийной организации и инфраструктуры, активное партийное строительство. По всем этим вопросам грузинские партии отстают от Молдавских. В них мало внимание уделяется внутрипартийной жизни и партийному строительству, слабо развита партийная организация. Финансы в основном расходуются не для укрепления партийных организации, а для участия в выборах.

Грузия и Молдова были глубоко интегрированы в советскую экономику. Поэтому после получения независимости и разрушения единого народно-хозяйственного

комплекса обе республики оказались в тяжёлом экономическом положении, что отрицательно влияло на их государственное становление. Оба оказались перед проблемами дефицита ресурсов государственного строительства. Слабый частный сектор не может обеспечить возрастающую себестоимость их государственного существования. Противоречие между потребностями современного государства и слабой экономикой рождает проблемы коррупции и формирования необходимых ресурсов для нормального функционирования государственных институтов. Например, после «революции роз» правительство единого национального движения в Грузии для искоренения коррупции значительно повысило зарплату министрам. Но так как у государства не были необходимые средства для этого, повышение зарплат этих чиновников было финансировано частным сектором. (Тогда было объявлено, что деньги для этого были выделены Соросом, но позже грузинский миллиардер Бидзина Иванишвили опроверг это и заявил, что не Сорос а именно он финансировал это мероприятие) Экономические трудности заставляют население этих республик эмигрировать, что смягчает нажим неблагоприятных социально-экономических условий на их политических системах и создает дополнительные источники для развития их экономик. Но эмиграция отрицательно влияет на численность населения этих республик . Например, если в 2006 году население Грузии составляло 4.401,3 тысяч человек, в 2015 году – 3.729,5. (3) Дефицит внутренних ресурсов государственного строительства возмещают иностранные доноры, а также те граждане этих республик, которые работают за границей. Например, в Молдове эти последние ежегодно присылают около одного миллиарда долларов(около 80 процентов правительственного бюджета), а внешние доноры ежегодно вкладывают 20 процентов госбюджета) (4)

Посткоммунизм создал новые каналы социальной мобильности, которых можно разделить на две группы – формальные и неформальные. Вначале посткоммунизма социальная мобильность принимает массовый характер (как восходящий, так и нисходящий). Восходящая мобильность выходит из правового пространства, сращивает государство с частными интересами, что максимально сокращает дистанцию между государством и обществом и вызывает ослабление государства как административного механизма осуществления общественных интересов. В этих условиях каналы восходящей мобильности выполняют функцию социально-политических амортизаторов, которые существенно смягчают нажим общества на политическую систему, но одновременно препятствуют углублению демократизации и ослабляют необходимые условия для выработки партисипаторной политической культуры. Такая ситуация способствует укреплению подданнической политической культуры, что способствует прекращению процессов демократизации и подчинению осуществления общественной власти частным интересам, ослаблению правовой культуры и государства. В Грузии в результате сращивания значительной части государственной бюрократии с частными интересами, государство потеряло способность решения общественных проблем, что со своей стороны

вызвало потерю легитимности правительства и в конце концов дестабилизацию политической системы Грузии и государственному перевороту под названием «революции роз». Новое правительство, которое пришло к власти в результате этого, социальную мобильность подчинило своему контролю и использовало ее для расширения и укрепления собственной социальной базы. Несмотря на это под нажимом режима Саакашвили так усилилась нисходящая социальная мобильность, что она вызвала дестабилизацию и в конце-концов способствовала уходу Саакашвили через легитимных, демократических выборов.

Специфику общественного контекста политического процесса в Грузии и Молдове создает усиление нисходящих потоков социальной мобильности и ослабление восходящей, что является источником опасности для стабильности этих стран. Непосредственной причиной этого является ослабление социальных лифтов, что проявляется в уменьшение их численности и пропускной способности. В связи с этим нужно отметить, что уменьшение и ослабление социальных лифтов только в том случае будет создавать опасность для политической стабильности, если потребность в восходящей мобильности будет значительно превосходить количество социальных лифтов и их пропускной способности. Развитие горизонтальной мобильности на базе эмиграции лишнего населения представляет значительный противовес, который уравнивает отрицательных политических результатов ослабления социальных лифтов. Она дает возможность лишней части населения этих республик эмигрировать и часть своих заработков присылать домой. Это способствует также расширению восходящей мобильности в этих республиках и стабилизации их политических систем.

Эмуляционные Политические Системы

В условиях распада старой социально-стратификационной системы, гомогенного общественного контекста, когда еще не сформированы большие социально – экономические группы и в обществе происходят интенсивные процессы социальных перемещений, политическая система формируется не на основе уже сформированных элементов системы социальной стратификации для выражения их интересов, а на основе подражания и заимствования. Так создаются посткоммунистические эмуляционные политические системы. По нашему мнению – это такие системы, которые возникают и функционируют не в результате естественного развития общества, не для артикуляции и агрегации таких интересов, которые выражают нужды и потребности уже сложившегося классов и больших социальных групп, а такие которые появляются в результате политического инженеринга политических элит, которые на основе заимствованных политических структур заменяют старую политическую организацию общества новым, которые создают и расширяют общественный контекст своего функционирования.

Эмуляционные системы проводят эмуляционную политику, в результате которого изменяются экономические и социальные подсистемы общества по образу и подобию тех

обществ политическая организация которых является объектом заимствования. Классическим случаем такой системы и политики является политическая система кемалистской Турции, политические системы стран бывшего советского блока. Политическое заимствование в строительстве государств и политических систем широко было распространено в истории строительства современных государств. В связи с этим можно вспомнить как формировалось русское государство в эпоху Петра первого, строительство японского государства в результате революции Мейдзи, а также реформы Танзимата в Турции. Строительства эмуляционных систем происходили в разных общественных контекстах. Но общее между ними было то, что они всегда создавались для изменения общественных структур и культур, изменяли общественный и экономический контекст функционирования власти. Так власть создавала новое общество и новую культуру. В этом отношении особенно примечательным является эпоха просвещённого правления в Японии т.н. эпоха Мейдзи, когда буквально на глазах у одного поколения Япония превратилась в совершенно другую страну. Эмуляционные системы появляются тогда, когда политическим элитам становится ясно отставание своих стран и они стараются с помощью заимствованных форм организации государственной власти изменить принципы функционирования общества и экономики. В республиках бывшего СССР эмуляционные системы появились в общественных контекстах, которые характеризовались как общими так и специфическими качествами, что и определило разные траектории их посткоммунистического развития. По нашему мнению эмуляционные демократии отличаются от витринных или имитационных демократий. В эмуляционных системах демократические элементы существуют не для витрины, где предметы выставлены для показа и лежат без практического применения по их назначению, а являются активными, которые институционализируют и легализируют политический конфликт, создают необходимые институциональные условия для систематической борьбы за власть. Эмуляционные системы демократии – активные системы, которые расширяют и укрепляют демократическую практику. Их нельзя считать управляемыми демократиями, так как выходят из сферы правительственного контроля, артикуляция интересов происходит в независимом от правительства режиме, они активно противодействуют авторитарному вектору развития, усиливают влияние общества на политику. Но Функционирование эмуляционных систем демократии не ограничивается только политической подсистемой общества. Оно изменяет не только политику, но и все общество, в том числе и людей, и таким образом создает социально –экономические и культурные условия для укрепления демократии. Эмуляционная система демократии, эта такая система, которая противодействует превращению демократии в витрину или в имитацию, своей активностью наполняя демократические формы демократическим содержанием, что может происходить независимо от воли политических акторов, как результат их борьбы за политическую власть. Классическим примером такой демократии является Молдова. Как справедливо отмечает Боцан «Молдавская демократия не результат

осознанных усилий партии. Она является, скорее, второстепенным явлением, порожденным борьбой партий за господство на политической арене».(5)

По нашему мнению, политических систем Молдовы и Грузии нельзя считать имитациями демократии. Они являются заимствованными, но тем не менее реальными, которые серьезно влияют на политическую жизнь и изменяют социально –экономический контекст развития демократических институтов. Эмуляционные системы имеют как реальные так и имитационные элементы взаимодействие которых развивает системные качества демократии. Например, таким заимствованным, но не имитированным элементом можно считать публичную борьбу за власть, которая ведется регулярно и активно; гражданское общество, отдельные представители которого стараются поставить в определенные рамки деятельность правительства артикулируя такие интересы, которые реально отражают потребности данного общества. (например, в Грузии - «Тбилисис амкари», движение «партизанское садовничество» и т. д.), но которые имеют очень слабую общественную поддержку и малочисленный членский корпус Также необходимо отметить, что элементы гражданского общества в эмуляционных демократиях часто не являются выразителями интересов общества, они политизированы и создаются правящими или же политическими кругами для продвижения таких интересов, которые соответствуют их нуждам. В эмуляционных демократиях, имитируя своих иностранных эквивалентов, институты гражданского общества часто стараются реализовать такие интересы, которые не вытекают из социально-культурных и экономических особенностей данного общества и не являются актуальными для данного общества (в Грузии, например «идентичность»). В этом случае они артикулируют имитационные интересы. Эмуляционные демократии являются системами развивающихся демократии, которые находятся в процессе натурализации. В процессе взаимодействия со своей средой они изменяют свои условия функционирования и сами изменяются, создавая новые политические структуры и наполняя имитационные формы новым содержанием.

На английском языке одно из значений Emulation: стараться быть похожим или превосходить другим (6) Слово имитация имеет два значения -1. действие по значению гл. имитировать; подражание кому-либо или чему-либо, попытка точно воспроизводить чего-либо. 2. результат такого действия подделка, копия чего-либо. (7) По нашему мнению в политологической литературе это слово употребляется во втором значении и обозначает не реальное стремление стать похожим существующим демократиям, а создание иллюзии о существовании такой демократии. Эмуляция- напротив, обозначает реальное стремление стать похожим , в результате которого происходит заимствование форм и институтов политического сосуществования и их пересаживание в таком общественном контексте, который является чуждым для них. В результате этого они активно воздействуют на свою социально-экономическую среду и изменяют ее в соответствии со своими сущностями. Но в процессе этого взаимодействия часть из этих институтов превращаются в простую имитацию демократических институтов, экспонатом ее витрины, а другая часть

оказывается более устойчивой и активно изменяет условия своего существования, а также противодействует перерождению других институтов в простую имитацию демократии. Разные компоненты посткоммунистических эмуляционных демократий зарождаются и развиваются не одновременно. Например, нормативно- правовая подсистема посткоммунистических эмуляционных демократий создается раньше и она меньше подвержена простой имитации демократии, чем организационно –институциональные механизмы практической реализации демократических норм политического сосуществования. Но, несмотря на это, эта подсистема не является пассивной, она способствует развитию практических форм существования и развития демократии. Из всех компонентов посткоммунистических эмуляционных демократий больше возможностей и ресурсов для укрепления имеют государство и бюрократия. Поэтому в условиях неравномерного развития разных компонентов политической системы демократии, особенно слабой политической организации общества, они превращаются в источники усиления вектора авторитарного развития, который направлен на превращения демократических форм политического сосуществования в простую имитацию и в витрину демократии. Но против этой тенденции работают такие системные качества, как институционализированный конфликт, гласность, свободная циркуляция информации, свобода митингов и собраний, перманентная легитимная публичная борьба за государственную власть, политическая самоорганизация общества и т. д. В эмуляционных системах общество еще не умеет ими пользоваться и у него часто отсутствует ресурсов для этого. Но в условиях когда политическое развитие происходит одновременно с перераспределением собственности, превращения государственных должностей и политики в каналов восходящих перемещений, когда существенно ослаблены социальные лифты, существует дефицит ресурсов для распределения, в обществе накапливается недовольство и возмущение, системные качества эмуляционной демократии превращаются в средство активизации общества, что блокирует симуляцию демократии. Пример этого, подготовка акций протеста против симуляционной(имитационной, витринной) демократии Саакашвили, когда оппозиционные силы в короткий промежуток времени смогли организовать и заставить его формально уйти в отставку и назначить внеочередные президентские выборы, которые он проиграл в столице Грузии –Тбилиси. В Молдове массовые перманентные протесты оппозиции привели к возвращению полупрезидентского правления.

Одной из особенностей эмуляционных демократий является несовпадение реальных и официальных мотивов и целей политической активности, когда настоящие интересы прикрываются демократическими лозунгами, политическими программами и избирательными платформами, о реализации которых сразу же забывают, как только приходят к власти. Публичная борьба может идти между такими имитационными политическими акторами, но борьба этих имитационных сил создает такое системное качество демократии, как реальная публичная борьба за государственную власть. После

прихода к власти одной из них, начинается процесс притеснения оппозиции, которая имеет возможность сопротивления. Эмуляционные демократии могут характеризоваться существованием имитированных (симуляционных) политических акторов, которые имитируют (симулируют) сторон политического процесса. Здесь власть превращается в самоцель для политических акторов, а не средством осуществления общественных интересов.

В этих системах ведется открытая борьба между симуляцией демократии и приданием ей реальной значимости. В этой борьбе происходит натурализация демократии, когда общество начинает использовать демократию для защиты своих реальных интересов. В этом процессе имитированные политические акторы могут превратиться в настоящих субъектов политики или же появляются новые акторы, которые реально представляют разные стороны политического процесса. В эмуляционных демократиях рядом имитированными акторами могут существовать и настоящие субъекты которые артикулируют и агрегируют реальные интересы.

В отличие от эмуляционной демократии, имитационная демократия –это симуляция демократии. Там значительно сильнее авторитарный вектор. Все посткоммунистические страны можно разделить на имитационных и эмуляционных демократии. Эмуляционные демократии могут превратиться в имитационные и наоборот. Эмуляционные политические системы являются формами в которых происходят процессы демократизации.

Особенностью посткоммунистических демократий является то, что здесь государственное становление предшествует формированию новой экономической и стратификационных систем. Поэтому эти последние, которые создают социально-экономические условия функционирования политической системы, формируются под сильным влиянием политической системы. В результате этого занимаемые должности в бюрократических структурах и в политическом и в гражданском обществах влияют на перемещения в экономической системе. В результате этого, например в Грузии министр связи Инджия становится крупным предпринимателем, а бывший начальник полиции Тбилиси Зейкидзе производителем колбас.

Некоторые особенности политических культур Грузии и Молдовы

Эмуляционные системы Грузии и Молдовы имеют много общего, но вместе с тем они отличаются друг от друга. Это особенно ясно проявляется на примере политических культур этих стран, сравнение которых показывает специфику каждой из них.

Одной из особенностей Молдавской политической культуры в отличие от Грузинской является сильное влияние коммунистического прошлого, что во многом определяет нигилистические отношение электората к частной собственности и бизнесу. Поэтому, как отмечает Боцан, в Молдове не одна из партии, которая ориентировалась на

проблемы частной собственности, защиты малого бизнеса и т. д. не смогла добиться существенных результатов в парламентских выборах. Несмотря на то, что проблемы бизнеса затрагивались в программах партии они имели второстепенные значения. ».(5) Победа компартии Молдовы и ее нахождение у власти девять лет, ее существенное ослабление после изменения своих политических ориентиров, в результате чего ее политико-идеологический арсенал существенно отделился от коммунистического прошлого, также говорят об отличии Молдавской политической культуры от грузинской. В отличие от Молдовы проблемы бизнеса занимали и занимают центральное место в программах Грузинских партий, что отражает большое значение частнособственнических настроений в политической культуре Грузии. Об особенностях политических культур этих двух республик можно судить также по распространению антиолигархических настроений. Молдавская политическая культура особенно остро воспринимает олигархическое правление. Попытка назначения одного из богатейших людей Молдовы на пост премьер-министра обернулось массовыми акциями протеста, в результате чего президент вынужден был изменить свое решение. В отличие от жителей Молдовы, грузины более толерантны к «олигархам». Один из них Б. Патаркацишвили был организатором массовых акций, которые были направлены против правления тогдашнего президента Саакашвили, а другой «олигарх» Б. Иванишвили, лидер блока «Грузинская мечта», которого поддерживало большинство населения Грузии, на парламентских выборах 2012 года победил партию тогдашнего президента Саакашвили «Единое национальное движение» и стал премьер-министром Грузии.

Другая отличительная черта Молдавской политической культуры – это неоднозначное отношение к национальному государству, что выражается в существовании «румынизма» и «молдованизма». Представители «румынизма» поддерживают присоединение Молдовы к Румынии, тогда как приверженцы «молдованизма» выступают за независимость Молдовы. Специфику внешнеполитического сознания молдавского общества выражает противоречие между пророссийской и проевропейской геополитическими ориентациями, что также является отражением политической культуры этой страны.

Если Молдавскую политическую культуру отличает противоречивый характер, грузинская культура более гомогенна. Она основывается на Грузинском национализме, где независимое Грузинское государство является основополагающим фактором его существования, которое своими корнями глубоко связано с национальной идентичностью и национальной гордостью.

Молдову можно отнести к тем группам посткоммунистических стран где социалистическое и коммунистическое прошлое особенно сильно влияет на формирование современной политической культуры. По нашему мнению в эту группу кроме Молдовы входят также Россия, Украина, Белорус. Чем можно объяснить сильное влияние прошлого на политические культуры этих стран? Этот вопрос заслуживает

специального исследования, которое не является целью нашей статьи. Поэтому, не претендуя на точный и окончательный ответ, мы предполагаем, что объяснительным переменным этого явления можно считать степень деинституционализации реального социализма. В этих странах она была слабее, чем в других республиках бывшего СССР. О масштабах деинституционализации социализма можно судить по силе распространения теневой экономики (второй экономики), которая имела не только экономическое, но также и политическое, идеологическое и культурное значение. Поэтому величину теневой экономики можно использовать для измерения степени деинституционализации реального социализма. Теневая экономика в бывшем СССР была неравномерно распространена по союзным республикам. По оценке Г. Гроссмана, в конце 70-тых годов доля доходов от второй экономики составляла 30% всех доходов горожан в масштабах СССР. Наименее она была распространена в РСФСР, где эта цифра приближалась к среднему значению по стране, в Белоруссии, Молдове и Украине этот показатель составлял 40 процентов. В Закавказье и средней Азии почти 50%. В Армении среди этнических Армян-65 %. (8) Наблюдается совпадение между распространением теневой экономики в советское время и влиянием коммунистического прошлого на современную политику посткоммунистических стран – чем сильнее распространения теневой экономики, тем слабее влияние коммунистического прошлого на современное политическое развитие страны. Например, в РСФСР где теневая экономика была значительно слабее, чем в других союзных республиках, коммунистическое наследие сильнее по сравнению со всеми другими постсоветскими республиками. В Украине, Белоруссии и Молдове теневая экономика была сильнее, чем в России, но слабее по сравнению с другими союзными республиками. В соответствии с этим, в этих странах коммунистическое прошлое слабее влияет на современное политическое развитие чем в России, но такое влияние значительно сильнее по сравнению с другими постсоветскими республиками. Например, влияние коммунизма в Молдове сильнее, чем в Грузии. Этому свидетельствует не только нахождение компартии Молдовы у руля государства в продолжение 10 лет, но также и социологические опросы населения. Например, проведенный молдавскими социологами в 2014 году опрос населения показал сильное влияние коммунистических традиций в Молдове. Например, по мнению 74,9 % опрошенных, очень хорошо если бы правительство предоставило рабочие места нуждающимся в них; 73,2 % считает, очень хорошо было бы иметь сильного руководителя не подтвержденного влиянию парламента и выборов; по мнению 65,7 % очень хорошо было бы если бы государство установило цены на продовольственные товары, а 50,3 % - очень хорошо если бы государство ограничивало доходы богатых.(9)

Несмотря на то, что в Грузии тоже усиливается ностальгия по советским временам, она значительно слабее чем в Молдове и это несмотря на то, что Грузия находилась в составе СССР 70 лет, а Молдова всего 51. Сильное влияние коммунистического прошлого на современную Молдову можно объяснить также и наличием по сравнению с Грузией

большого количества русскоязычного населения, которое сконцентрировано в городах и при советской власти было занято в промышленности, которая серьезно пострадала после развала СССР.

Кливиджи и особенности общественного контекста артикуляции и агрегации интересов в Грузии и Молдове

Общественные базы артикуляции и агрегации интересов в Молдове и Грузии существенно различаются друг от друга. Молдова характеризуется кливиджами, расщеплением общества, что затрудняет агрегацию интересов, так как в этих условиях реализация одного интереса происходит за счет других интересов. В Молдове эти кливиджи находятся на разных уровнях развития. Наиболее развитым является кливидж «молдованизм и румынизм». Все его составные части – эмпирический, идеологический и организационный – ясно артикулированы. Его эмпирический компонент представлен существованием достаточного, общественно значимого количества двух групп людей, которые осознают себя соответственно румынами и молдаванами. Идеологический компонент этого кливиджа составляют две группы аргументаций, которые лежат в основе раздвоения национальной идентичности на румын и молдаван, а также легитимации присоединения к Румынии или же существования Молдовы как независимого государства. Организационный компонент данного кливиджа представлен наличием двух групп политических и общественных организаций, которые соответственно поддерживают независимость Молдовы или же ее присоединение к Румынии. Нужно отметить, что молдованизм сильнее румынизма. Расщепление общества на основе национальной идентичности делает невозможным достижение консенсуса в процессе агрегации – реализация интересов румынизма возможно только за счет молдованизма, а осуществление интересов молдаванизма требует жертвовать интересами румынизма.

В отличие от кливиджа «руминизм-молдованизм», Социально – экономический кливидж (богатые-бедные) находится в процессе формирования, о чем свидетельствует разный уровень развития его составных частей. Его эмпирический компонент достаточно развит – молдавское общество разделено на отдельные группы, которые различаются по социально-экономическим характеристикам и богатством. Но идеологический компонент этого кливиджа размыт: разные социально – экономические группы не осознают себя отдельными группами общества, которые имеют отличные от других специфические интересы. Отсутствует социально – классовая идентичность, осознание группой своей коллективной особенности на основе осмысления своих специфических социально-экономических качеств. Организационный компонент более развит по сравнению с идеологическим. Свидетельством этого является наличие сильной левоцентристской партии – социалистической, которая имеет собственный электорат. Несмотря на это молдавские партии не выступают явно как представители определенной части населения,

не расчленяют общества. Как отмечают Молдавские социологи, даже социалисты и Коммунисты не развивают групповое или классовое сознание.

Особенностью политической сцены Молдовы является также противоречие между проевропейским и пророссийским векторами развития. Его условно можно назвать геополитическим кливиджем. Он является наиболее значительным фактором формирования специфики политического развития Молдовы, у которого есть две значительные компоненты кливиджа: 1. эмпирический – разделение населения по геополитическим ориентациям на две группы – пророссийскую и прозападную; 2. организационный элемент – политические партии мейнстрима, которые придерживаются одной из этих двух геополитических ориентации. Но у него отсутствует третий наиболее существенный элемент кливиджа – идеологический: осознание себя отдельной группой населения общества, которая имеет свои особенные интересы.

Кливидж разделяет как социальную ткань, так и общественное сознание и политическую сферу. В отличие от этого различные геополитические ориентации в Молдове не расщепляют общество так глубоко. Они создают различные геополитические идентичности, которые расщепляют только политическую сцену. Но несмотря на это, эти ориентации видимо связаны с кливиджами. Например, румынизм подразумевает также и проевропейскую ориентацию. Глубокое противоречие между разными геополитическими ориентациями, которые принимают многие черты кливиджа, затрудняют агрегацию интересов на основе консенсуса.

Можно заключить, что Молдавское общество как основа артикуляции и агрегации интересов, имеет дискретный характер. Это делает агрегацию и артикуляцию интересов конфликтными и осложняет достижение консенсуса.

В отличие от Молдовы, в Грузии общественный контекст политического процесса является более однородным. В начале истории посткоммунизма эта особенность сыграла существенную роль в блокировании демократизации в этой стране. Она создала социальную базу для установления авторитарного режима Гамсахурдиа. Но в процессе отдаления от коммунизма гомогенная база политического процесса в Грузии начинает дифференцироваться. На этой основе зарождается процесс расщепления общества на разные составные части. Это особенно сильно проявляется в развитии рабочего и забастовочного движения в Грузии, в ходе которой бастующие рабочие выдвигают специфические требования, в которых отражаются особенности их жизни. Несмотря на это, нельзя говорить о существовании кливиджа в грузинском обществе: в отличие от Молдовы здесь не существует раздвоение национальной идентичности, разные большие социальные группы не осознают свою особенную идентичность, они не имеют свой специфические массовые политические организации и т. д. Несмотря на это в Грузии начинает развиваться процесс расщепления общества на основе социально-экономических различий: развивается эмпирический компонент социально-экономического кливиджа, что проявляется в забастовочном движении нового рабочего класса Грузии.

Особенности демократизации Грузии и Молдовы

Новая политическая система в Грузии и Молдове начинают развиваться в период либерализации советской системы – которую называют гласностью и перестройкой. В этот период в процессе разрушения советской политической системы начинает развиваться демократическая практика политического сосуществования. Появляется такое качество политической системы, как публичная и легитимная борьба за государственную власть, которая создает условия для политической самоорганизации общества. В это время в Грузии из подполья выходят диссидентские организации, создаются массовые общественно-политические организации - Народный фронт Грузии, общество Ильи Чавчавадзе. Аналогичные организации создаются и в Молдове - Демократическое движение Молдовы (1988-1989) Народный фронт Молдовы(1989-1992) „Движение за национального возрождения, которая стала отправной точкой развития партии и демократии в Молдове.(5) Грузинским эквивалентом этой организации можно считать общество Ильи Чавчавадзе из которого также вышли ряд партий.

В Молдове либерализация в демократизацию переходит в 1990 году, когда были проведены первые конкурентные выборы в этой республике. 27 августа 1991 года парламент провозгласил независимость Молдовы. Общей особенностью демократизации Молдовы и Грузии является то, что ее первая стадия - либерализация проходила в общем государстве и поэтому она имела общие черты. Переход из либерализации в демократизацию развивается уже в разных независимых государствах. Поэтому ее траекторий существенно различаются в этих республиках. На первых этапах развития посткоммунизма в Грузии переход либерализации в стадию демократизации был остановлен поворотом к авторитаризму, тогда как в Молдове либерализация в демократизацию переходит без таких поворотов, если не считать 2009 год, когда усиление авторитарного вектора развития сравнительно легко был блокирован общественной активностью. Это указывает на то, что сопротивление авторитарного вектора процессу демократизации было слабее в Молдов, чем в Грузии, которая отличалась сильным сращиванием харизматических лидеров с государством. После гражданской войны Грузия вновь возвращается на вектор либерализации, который заканчивается первыми постсоветскими демократическими выборами 2003 года, которые могли бы стать началом процесса демократизации, но государственный переворот(«Революция Роз») вновь прервал этот процесс.

Первые демократические выборы в Грузии были проведены 1990 году, когда Грузия находилась в составе СССР. 28 Октября 1990 года проходят выборы в верховный совет Грузинской ССР, на котором одерживает победу национальный блок во главе с З. Гамсахурдиа. 14 ноября 1990 года верховный совет его избирает своим председателем. 31 марта 1991 года в республике прошел референдум о восстановлении государственной

независимости Грузии. За независимость проголосовали 98,93%(при явке 90%). 9 Апреля 1991 в 12 часов 30 минут Верховный Совет Грузии принял Акт о восстановлении государственности Грузии. 14 апреля на чрезвычайной заседании сессии Верховного Совета президентом независимой Грузии был избран З. Гамсахурдия. 26 мая 1991 года состоялись всеобщие президентские выборы на которых победу одержал З. Гамсахурдия набрав 87% голосов. После этих первых демократических выборов в Грузии выборы теряют демократический характер. Главной их функцией становится легитимация существующих лидеров. Государственный переворот и смещение Гамсахурдия были легитимизированы именно всеобщими выборами. Они начинают прикрывать усиление авторитарного правления и сращивание национального лидера с государством. Этот последний процесс начинается сразу же после приобретения Грузией независимости. Сначала он был приостановлен свержением Гамсахурдия. Несмотря на это, сращивание лидера с государством вновь повторяется и достигает свою вершину при правлении Саакашвили. Сращивание лидера с государством являлась существенной особенностью, которая отличала посткоммунистическое развитие Грузии от Молдовы. На основе его силы можно судить об успехах демократизации в Грузии и Молдове. Для измерения степени сращивания лидера с государством можно использовать данные, которые показывают сколько раз произошла смена лидеров на основе демократических выборов, после первых выборов, которые привели к выходу этих республик из состава СССР. На этой основе можно судить также о силе векторов демократизации и авторитаризма в этих республиках. Если в качестве измерителя демократизации принять количество смены политических лидеров за последний 21 год, который показывает силу сращивания лидера с государством, окажется, что вектор демократизации в Молдове сильнее чем в Грузии. За период 1991-2012 годов (21 год) в Грузии всего три раза произошла смена лидера – двое из них в результате государственного переворота, а третий через демократических выборов, которые были проведены после провозглашения чрезвычайного положения, острейших конфликтов властвующей элиты с обществом и контрэлитой и нажима США. Первый президент Грузии Гамсахурдия продержался всего один год (октябрь 1990- декабря 1991); Эдуард Шеварднадзе правил Грузией 11 лет (1992 – 2004); Михаил Саакашвили 9лет (2004 - 2012). Первый из них пришел к власти демократическими выборами (Гамсахурдия) и ушел в результате государственного переворота. Второй пришел и ушел в результате переворотов (Шеварднадзе); третий пришел к власти после государственного переворота и ушел в результате проведения вынужденных демократических выборов.

В Молдове за этот же период (21 год) сменились 6 президентов и все приходили через демократические выборы и уходили в результате таких же выборов:

Мирча Снегур

(1991 23 .05-1991-8 .12)

(1991 -1996 года)

Петр Лучинский-

(1996 -2001)

Владимир Воронин

(2001-2005)

(2005 -2009)

Михай Гимпу (ВРИО)

(2009 сентября-2010 декабря)

Луппу Маррианн (ВРИО)

(2010.28 12. - -2012 .23.03)

Николай Тимофти

(2012)

Из шести президентов постсоветской Молдовы только один - Воронин находился на посту президента два срока. Но, после массового протеста против его авторитарного правления, в котором явно проявлялся тенденция сращивания государство с лидером, он был вынужденным оставить этот пост и назначить внеочередные выборы парламента. Из шести президентов двое являлись временными исполняющими обязанности президента. Этот последний факт указывает на трудности формирования правительства в условиях парламентской республики, которая не только осложнила формирование правительства в условиях парламентского режима, но также способствовала усилению авторитарных тенденций. Именно с целью их блокирования была внесена конституционная поправка в конституции Республики Молдова, в результате чего она из полу президентской республики превратилась в парламентскую. Это произошло в результате острой борьбы между президентом и парламентом, в которой конституционный суд сохранял свою нейтральность.⁽¹⁰⁾ Но такое изменение не привело к усилению демократии. Напротив, она стала менее консолидированной. ^{(11.30} Парламентская республика в Молдове не смогла предотвратить рецидивы усиления автократии. Если при полу - президентском правлении, парламент оказался эффективным противовесом расширения президентской власти и превратил Молдову в парламентскую республику, в условиях парламентской республики он оказался неспособным ограничить президентскую власть. Поэтому противоречие между демократическими и авторитарными векторами развития приняло форму острого конфликта, который перерос в физическое столкновение вне стен парламента, в результате чего произошла смена правительства через досрочных и легитимных выборов и Молдова вернулась на рельсы демократического развития. Такой же конфликт между авторитаризмом и демократическим вектором развития произошел и в Грузии в 2007 году. Тогда против участников массовых мирных акций, которые выступали против режима Саакашвили, были применены газы, резиновые пули и спецназ. Спецназ ворвался в здание оппозиционного телевидения «Имеди» и разгромил его. Было провозглашено чрезвычайное положение. На улицах вывели войска. Несмотря на это Саакашвили был вынужден формально уйти в отставку и назначить внеочередные президентские выборы, хотя реальная власть оставалась в его руках. Были запрещены вещание всех телевидений, кроме проправительственной «Рустави 2». «Имеди» возобновил вещание только за пять дней до выборов. Несмотря на это Саакашвили проиграл выборы в Тбилиси, но победил за счет регионов, где значительно легче было использование административных ресурсов,

фальсифицирование результатов голосования и вещание вел единственный телеканал «Рустави -2».

Сравнение этих двух случаев конфликтов между авторитарного и демократического векторов развития показывает разницу в силе векторов демократического развития Грузии и в Молдове. Эти случаи показывают также значение конфликтов в условиях эмуляционных демократий для защиты и усиления демократического вектора развития. В обоих случаях легитимный, законный конфликт между правительством и обществом заблокировал усиление авторитарного вектора. Но в Молдове он носил менее острый характер, были проведены легитимные выборы и произошла смена власти. В Грузии этот конфликт имел более острый характер, были проведены недемократические выборы, не произошла смена правительства, страна осталась в условиях авторитарного правления. Поэтому после выборов оппозиция продолжала борьбу (например, город Тбилиси она объявила городом тюремных камер) но безрезультатно.

В Молдове, в условиях парламентской республики, после 2009 года уже во второй раз, в 2015 году начался массовый перманентный протест против правительства, в процессе которого был создан палаточный городок в Кишиневе и который продолжался зимой 2016 года. В результате этой акции, решением конституционного суда Молдова вернулась к всенародным выборам президента. (12)

Массовые противостояния правительства и оппозиции в Молдове напоминает такие же акции протеста в Грузии, которые происходили во время правления Саакашвили. Но в Молдове они оказались более эффективными. Это говорит о том, что в Молдове демократия имеет более глубокие корни, чем в Грузии.

Опыт Грузии и Молдовы показывает, что успех демократии зависит не от институционального дизайна власти, а от развития всех компонентов политической системы. При Шеварднадзе, когда Грузия представляла президентскую республику, такие качества демократии, как свобода прессы и гражданское общества были сильнее, чем при правлении Саакашвили, когда она представляла полу-президентскую республику. Тогда парламент более эффективно осуществлял роль противовеса президентской власти, чем при Саакашвили. Именно об этом говорит тот факт, что за период правления Шеварднадзе, парламентом не были приняты на рассмотрения приблизительно до 200 законопроектов подготовленных исполнительной властью, что было абсолютно невозможно при правлении Саакашвили. Гражданская война, слабая институционализация оппозиционных политических партии, их слабое влияние являлись главными препятствиями для перехода либерализации в демократизацию в эпоху Шеварднадзе. Но в конце его правления, когда должна была произойти смена лидера, распад политической элиты способствовал началу перехода либерализации в демократизацию, которая была заблокирована государственным переворотом т. н.» Революцией Роз».

Сравнительно высокий уровень институционализации партийной системы и политических партии является показателем более высокого уровня демократизации

Молдовы по сравнению с Грузией. По поводу институционализации политических Партий и Партийной системы Молдовы не существует согласие. Многие Молдавские авторы считают, что в Молдове вообще не существуют партий, однако, по мнению американского исследователя Джонатана Риггса, партийная система Молдовы является институционализированной. По его словам Молдавские партии предохраняют структурную независимость политической сферы от государственного контроля, предотвращают реконструкцию авторитарного государства.(Who's Attending The Party? Elections, Parties, and Democratization in Postcommunist States (13) Однако другие авторы развивают совершенно другой взгляд о Молдавских партиях: «легитимация молдавской многопартийности остается неполной, в какой-то мере условной, поскольку сам процесс развития политических партий попрежнему находится на этапе становления. К основным причинам такого состояния политических партий следует отнести незавершенность новой стратификации общества, непроявленность общих и политических интересов различных слоев и групп населения, отчужденность значительной части населения от системы власти и государства, размытость идейно-политических интересов, отсутствие национальной идеи, воспринятой широкими слоями общества, противоречивый ход демократических преобразований в стране ..как следствие, остаётся актуальным вопрос о реальной многопартийности и партийной реформе как части общегосударственных усилий по оптимизации политической системы Молдовы» (14) Виктор Жук считает, что партии в республике Молдова являются партиями лидеров и премьер-министров и после падения рейтингов президентов они теряют свой электоральный вес. Он подчеркивает также одну особенность Молдавского электората - несмотря на то, что он не доверяет политическим партиям, всё же не голосует за независимых кандидатов(15,29) Социолог Владимир Блажко подчеркивает такие особенности политических партии Молдовы, как отсутствие устойчивых страт политической поддержки, а также оторванность престижа партии от рейтинга лидера. Он приводит конкретный пример этого . По его словам процент доверия парламентским партиям за последние годы снижается, но рейтинг их лидеров по «прежнему» наиболее высоки среди политиков во власти.Доверие Либерально-демократической партии снизился с 39,2% до 38,0%; Демократической партии с 40% до 28%; Либеральной партии с 33,1% до 32%; у оппозиционной партии коммунистов с 38,8% до 34%. Одновременно рейтинг лидеров этих партии остается по прежнему самый высокий среди тех политиков, которые находятся во власти– Ю.Лянке (ЛДПМ -10%) В.Филат (ЛДПМ – 5%), В.Воронин (ПКРМ – 14%), М.Лупу (ДП – 5%). (16. 59) Такая оторванность рейтингов партий от рейтингов своих лидеров также характеризует грузинскую политику, но в отличие от Молдовы, здесь рейтинги лидеров выше рейтингов своих партии. Из приведенной выше данных видно, что несмотря на то, что рейтинги партии падают, а рейтинги их лидеров не изменяются, рейтинги партий намного выше рейтингов своих лидеров. Это указывает на центральную роль политических партий в

политическом процессе Молдовы. Об этом говорит и тот факт, что независимые кандидаты не побеждают в Молдавских выборах.

Легитимным является вопрос - почему существует такое разногласие относительно молдавских партий? По нашему мнению, если судить по внешним признакам, партии в Молдове хорошо организованы, партийная система соответствует всем четырем критериям институционализации партийной системы, которые лежат в основе рассуждения Риггса о молдавских партиях. По нашему мнению, эти критерии в основном ориентированы на внешние черты партийной системы. В отличие от него, другие ученые, которым хорошо знакома действительная ситуация, стараются заглянуть внутри партийных организаций. Правда находится где-то в середине. В Молдове развита партийная организация, но политическая идентичность партий сравнительно слабо артикулируется в политическом процессе. Поэтому они слабо идентифицируют, обозначают разные стороны политического процесса. Это особенно хорошо проявился во время нахождения компартии у власти, когда она отказалась от всех своих предвыборных обещаний. В этом проявился ритуальность, инструментальный характер политической программы, которая ориентирована не на реальные изменения, а на привлечения избирателей. Также можно охарактеризовать программы грузинских партий. Поэтому, здесь партия которая называет себя правой может иметь левую программу или же находится в составе коалиции, которая проводит левоцентристскую политику. Именно в этом проявляется эмулятивный характер как партии так и всей политической системы. Такое положение можно объяснить тем, что создание партийной организации предшествует формированию противоречивых интересов разных частей системы социальной стратификации, которые противопоставляют участников материального производства друг другу. Видимо такие противоречия еще не развиты, или же пока они очень слабы. Поэтому как идеологии, так и политические программы носят в основном ритуальный характер. Партии не могут создавать контраст в политическом процессе на основе своего идеологического и политического профиля. Если в Молдове еще можно разделить партий по своим геополитическим ориентациям на две группы – пророссийские и проевропейские, то в Грузии даже такое деление невозможно – все основные партии подчеркивают свои проевропейские ориентации. Там пророссийский спектр пока еще слабо артикулирован в политическом процессе, хотя идет его усиление. В Грузии он значительно сильнее латентно, чем можно судить о нем по заявлениям участников политического процесса. Несмотря на то, что партийные организации в Молдове развиты сильнее чем в Грузии, их идеологический и политический (если не считать геополитический) профиль так же размыт, как и в Грузии. Они имеют искусственный характер и почти никакой роли не играют в создании социальных баз партии. В этом проявляется слабая роль политических партий в политической социализации, что является главной причиной узости и слабости социальных баз Грузинских партий. Они не ведут коммуникационную активность для увеличения

членского корпуса. Создание идеологического и политического образа партий почти никакой роли не играет в политической коммуникации. Видимо также можно характеризовать коммуникативную активность молдавских партий. По свидетельству Молдавских социологов «говоря о текущих избирательных платформах, в них отсутствует классовая сознательность» (17, 40) По наблюдению другого автора: »В Молдове, несмотря на попытки ведущих политических партий как-то обозначить свою доктринальную принадлежность, партийные идеологии остаются нечетко сформулированными, с набором недостаточно ясно сформулированных принципов и ценностей, а их роль и в партийном строительстве по-прежнему незначительна». (14) Несмотря на развитую партийную организацию и их центральную роли в политическом процессе, они прикрывают неформальные центры власти и влияния, которые реально контролируют политический процесс. Молдавские авторы подчеркивают олигархизацию политического процесса и превращения политических организации в простой товар: «Олигархизация политического процесса, превращение политических организаций в объект купли-продажи и инструмент в политической конкуренции, широкое использование так называемого «электорального маркетинга», а также интернет технологий для взятия власти в государстве, создают реальные предпосылки для циничного массового манипулирования людьми и их рекрутирования для достижения узкогрупповых целей.» (Идеология партии и политическая культура. 19 сентября 2011. [MOLDOVENII \(moldovenii.md/ru/section/602\)](http://moldovenii.md/ru/section/602)) Нужно отметить, что в Грузии не развита купля - продажа политических организаций. Это можно объяснить тем, что по сравнению с Молдовой они слабую роль играют в политической жизни этой республики и их легко создавать. В купле-продаже политических партий проявляется значение этих организации как инструментов достижения и осуществления власти, их центральное место в политическом процессе. В Грузии также актуальна роль денег и бизнес интересов как , но по сравнению с Молдовой не они доминируют над государством, а государственная власть доминирует над ними и подчиняет их политическим интересам господствующей политической элиты.

В Молдове крупный бизнес подчиняет себе государство через политические партии, а в Грузии господства бюрократии и слабость политических партии обеспечивают подчинение бизнеса интересам правящей группы для обеспечения их финансами. Политические партии в Молдове подчиняют государство контролю бизнеса. Именно об этом свидетельствуют слова бывшего министра финансов Молдовы Вячеслава Негруцы. По его мнению, центры принятия решения в республике Молдова находятся за пределами исполнительной, законодательной и судебной власти, в таком месте, где отсутствует интерес в прозрачности процесса принятия решения. (18) По его словам «Этими процессами не обязательно управляют лидеры партий, но они являются частью сценария, который запускается за пределами зданий правительства и парламента. Такие вещи очень хорошо всем известны... Они вырабатывают решение, а государственные институты используются для прикрытия и придания законности решениям, принятым в

другом месте. Речь идет о решениях, связанных с бизнесом, политических или иных, проводимых через людей, которые были поставлены на должности для их выполнения. Поставившие их на должности были уверены в том, что у этих людей не будет возможности сделать шаг назад и что они в точности будут выполнять то, что им сказано»(18)

По нашему мнению, политическая система и партий в Молдове более институционализированы чем в Грузии. Политические партии Молдовы автономны от политического лидерства, а их проникновение в обществе глубже, чем в Грузии. Они стабильны - после ухода с власти они не прекращают существование. Критерием проникновения партии в обществе мы считаем не только размер и стабильность электората данной партии, но также и количество членов, охват партийной организацией всей страны, развитие внутрипартийной жизни и внутрипартийного менеджмента. Партийная организация, внутрипартийная жизнь и внутрипартийный менеджмент в Молдове развиты сильнее чем в Грузии. Сеть партийных организаций в Молдове шире. В этом большую роль играет партийное законодательство. Молдавское законодательство сильнее ориентировано на партийное строительство чем Грузинское. Например, в законе республики Молдова о Партиях указывается, что политические партий организуются по принципу административно-территориального устройства республики Молдова. Число членов политических партии не должна быть менее 4000. Во время учреждения партии ее члены должны проживать не менее чем в половине административно- территориальных единиц Республики Молдова второго уровня и при этом иметь не менее 120 членов в каждой из указанных административно-территориальных единиц. В законодательстве Молдовы предусмотрены не только организационная структура центральных органов партии, но также и их местных органов. Закон требует, чтобы партия имела не только центральные органы, но также и территориальные организации:» такие руководящие органы, как общее собрание членов или собрание их делегатов, и исполнительный орган независимо от их наименования согласно уставу партии являются обязательными для любой политической партии. Они действуют как на центральном уровне управления партией, так и на уровне ее территориальных организаций. Законодательством Молдовы предусмотрено, чтобы партия глубоко проникала общества и сблизилась с ним». (19) Грузинское законодательство о партиях отличается более либеральными требованиями. Так, для учреждения партии достаточно провести учредительное собрание в составе 300 человек. Для ее регистрации нужно представить список тысяча членов партии. Партии могут создавать местные организации, но это не обязательно для них. (20) Партийное Законодательство Грузии ориентировано на то, чтобы вся работа партии сосредоточивалась в центральном офисе, оно не ориентировано на партийное строительство. Для юридического создания политической партии в Молдове ее регистрацию должна предшествовать организационно - партийная работа, создание местных организаций и довольно широкого членского корпуса, что требует проведения

довольно широкой организационной работы. Поэтому Молдавские партии имеют более массовый характер, чем их грузинские аналоги. Поэтому количество членов партии в Молдове больше чем в Грузии, хотя составляет всего 6 процентов населения. По данным 2012 года, Партия Социалистов Молдовы имела 8 000 членов и свою еженедельную газету (21), а Либерально-демократическая партия Молдовы насчитывала 43 000 членов(22)К Марту 2011 года, Партия коммунистов республика Молдовы имела приблизительно 30 000 членов. (23) На основе сравнения партийных организаций этих республик можем заключить, что организационная культура в Молдове выше, чем в Грузии.

В отличие от Грузии партии в Молдове находятся в центре политического процесса. Поэтому в Молдове политический процесс является менее персонализированным, чем в Грузии. О степени персонализации политического процесса можно судить по соотношению рейтингов политических партий и их лидеров. Чем больше будет превосходить рейтинг партии рейтинг ее лидера, тем сильнее будет политический процесс концентрирован вокруг партий и менее персонализированным. В Молдове рейтинги основных партий выше, чем рейтинги их лидеров, а в Грузии, напротив, лидеры создают рейтинги партий. В 2014 году объединение социологов и демографов Молдовы провел опрос общественного мнения, который дает возможность сравнить рейтинги партий и их лидеров (см. 17, 39-40). Это сравнение дает следующие результаты:

В. Воронин (лидер компартии)-	20,4 %	
Компартия-	38%	
Ю. Ленке (первый заместитель председателя ЛДПМ 2011-2015)	-20,4 %	
ЛДПМ-	34%	
В. Филат(лидер ЛДПМ 2007 -2015)	18,2 %	
ЛДПМ-	34%	
М.Лупу (лидер демократической партии Молдовы)	7,1 %	
Демократическая партия –	30%	
И. Додон(лидер социалистов)	6,8 %	Партия
Социалистов -	24%	
Д. Киртоаке (Мэр Кишинева, Либеральная партия)	5.4 %	
Либеральная Партия-	28%	
Михайл Гимпу (лидер либеральной партии)	2,2 %	
Либеральная партия –	28%	
Сергей Мокану (лидер народного движения «антимафия »)	1 %	Народное
движение«Антимафия»-	14%	
И.Корман (вице-председатель демократической партии Молдовы)	1%	
Демократическая партия -	30%	

Эти данные показывают соотношение рейтингов партии и их лидеров в 2014 году. После этого в политической жизни Молдовы происходят серьезные изменения, в результате чего, например, компартия, которая в вышеприведенном списке занимала

первое место по рейтингу, теряет значительное количество своих представителей в парламенте. Так как нашей целью является не исследование рейтингов отдельных партии и лидеров, а выявление соотношения рейтингов партии и их лидеров, по нашему мнению, вышеприведенные данные точно показывают основную картину соотношения рейтингов лидеров и партии, центральное место политических партии в политическом процессе, партийный характер политической системы Молдовы.

Институционализация политических партии и партийной системы усиливает роль парламента в Молдове, что подчиняет государство партийному контролю. Поэтому государство в Молдове представляет партийное государство. В отличие от Молдовы политические партии в Грузии играют вспомогательную роль в политическом процессе, в центре которых стоят политические лидеры. Функцией Грузинских партий является создание политических лидеров, превращение отдельных политиков и парламентариев в лидеры и таким образом повышение их значение в политическом процессе. Успех и влияние партии зависит от рейтинга его лидера. Лидер победившей партии, который становится лидером исполнительной власти и руководителем бюрократии, подчиняет своей воле парламент и обеспечивает господство бюрократии. Поэтому мы считаем, что в отличие от Молдовы в Грузии сформировалось непартийное государство.

Заключение

В Грузии и Молдове процессы демократизаций происходят в эмуляционных политических системах, которые участвуют в формирование социально – стратификационной и экономической систем новых обществ, которые находятся в процессе становления в этих республиках. Поэтому Политический процесс в этих странах функционирует в условиях несформированного общественного контекста, что влияет и во многом определяет особенности функционирования их политических систем. Грузия и Молдова являются эмуляционными демократиями, которые характеризуются противостоянием авторитарного и демократического векторов развития, наличием имитационных (симуляционных) политических акторов и таких же политических идентичностей, артикуляцией имитационных интересов. Наряду с имитационными элементами в этих системах существуют также и эмуляционные элементы. Нужно различать друг от друга эмуляционные и имитативные элементы политических систем Грузии и Молдовы. Эмуляционные элементы – это такие заимствованные элементы форма и содержание которых совпадают друг с другом. Имитативные элементы, как и эмуляционные, являются заимствованными, но в отличие от них, они симулируют объектов заимствования.

Молдова является партийным государством, где демократический вектор развития сильнее авторитарного. Грузия – непартийное государство, где авторитарный вектор развития по силе превосходит демократического. Существенно различаются также политические культуры Грузии и Молдовы.

Литература

1. Политические партии- самый прибыльный бизнес в РМ. 15 октября 2012, время 10:50 timpul.md. //www.timpul.md/ru/articol/Politiceskie-partii-samii-pribilnii-biznes-v-RM-37889.html 1.
2. В Молдавии нет политических партий, страну захватили гангстеры(Новость плюс комментарий.Издание Центра Развития независимого телевидения)<http://www.newscom.md/rus/v-moldavii-net-politicheskikh-partij-stranu-zahvatili-gangsteri.html>
3. www. [geostat.ge/?action=page@p_id=151@lang=geo](http://www.geostat.ge/?action=page@p_id=151@lang=geo)
4. Timpul.md 1 февраль 2016, время 12: 41(<http://www.timpul.md/ru/articol/Doloi-RM-87287.html>)
5. Игорь Боцан. 3.12. 2008. Партии и Демократия Республики Молдова. http://www.e-democracy.md/ru/monitoring/politics/comments/2008_1203
- 6.<http://www.merriam-webster.com/dictionary/emulation>
- 7.Имитация <http://ru.wiktionary.org/wiki/имитация>
8. В.Ю. Котосонов проф., д. н.стр. 4
COMMUNITARIAN.RU/PUBLIKACII/ISTORIYA_ROSSII/TENEVAYA_EKONOMIKA_V_SSR_04022014/
9. Еуджену Штирбу. Развитие демократических процессов в республике Молдова. Текущие Тенденции Политического Расслоения в Республике Молдова. В сб.,Процессы Демократизации В Республике Молдова: Реалии, Тенденции, Перспективы. Материалы международной научно- практической конференции 20 Мая 2014 года(iimdd.md/wp-content/uploads/2014/07/Материалы-конференции-20мая-2014.pdf стр.22
10. Kamika Matsuzato. Differing Dynamics of semipresidentialism across Euro/euroasion Borders:Ukraine, Lithunia, Poland , Moldova and Armenia. p.340(<http://www.gwu.edu/ieresgwu/assets/docs/democratizatsiaya%20archive>
- 11.(Eugene Mazo. Post-Communist ParadoxHow the Rise of Parliamentarism Coincided with the Demise of Pluralism in Moldova . Center on Democracy, Development, and the Rule of Law Stanford Institute for International Studies. Number 17 27 August 2004. p.30 (<http://cddrl.stanford.edu.ge>)
12. Вести.Ru. www.vesti.ru/doc.html?id=2727719@tid=108623
13. Who's Attending The Party? Elections, Parties, and Democratization in Postcommunist States (Dissretation , Submitted Tj the Faculty Of The Graduate School in Candidacy For the Degree of Doctor of Philosophy Prigramm in Political Science By Jonathan W. Riggs, Chicago . Chapter Six Moldova. Introduction . http://eccomons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1543@context=luc_diss
14. Идеология партии и политическая культура .19 сентября 2011. MOLDOVENII (moldovenii.md/ru/section/602

15. Виктор Жук Демократизация политической системы в республике Молдова в контексте оценки Европейских перспектив Текущие Тенденции Политического Расслоения в Республике Молдова. Процессы Демократизации в Республике Молдова: Реалии, Тенденции, Перспективы. Материалы международной научно - практической конференции 20 Мая 2014 года(iimdd.md/wp-content/upholds/2014/07/Материалы-конференции-20мая-2014.pdf)

16. Владимир Блажко. Влияние Политической Стратификации На Избирательные Кампании Республики Молдова. Процессы Демократизации в Республике Молдова: Реалии, Тенденции, Перспективы. Материалы международной научно - практической конференции 20 Мая 2014 года(iimdd.md/wp-content/upholds/2014/07/Материалы-конференции-20мая-2014.pdf)

17. Виктор Мокану, Ион Мокану. Текущие Тенденции Политического Расслоения в Республике Молдова. В сб.,Процессы Демократизации В Республике Молдова: Реалии, Тенденции, Перспективы. Материалы международной научно- практической конференции 20 Мая 2014 года (iimdd.md/wp-content/upholds/2014/07/Материалы-конференции-20мая-2014.pdf)

18. Вячеслав Негруца: Власти хотят организовать ограбление банковского сектора. (point.md/ru/novosti/politika/vyacheslav-negruca58-vlasti-hotyat-organizovatj-ograblenie-bankovskogo-sektora)

19. Закон Республики Молдова от 21 декабря 2007 года №294 –XVI

20. Органический закон Грузии о Политических объединениях граждан [http.matsne.gov.ge /ru/document /download/ 28324/15/ru/pdf](http://matsne.gov.ge/ru/document/download/28324/15/ru/pdf)